

КУБАНСКИЙ КУРЬЕРЪ

Вторникъ 3-го Апрѣля 1912 г.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ И ПОСТУПИВАЮЩИМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ

На 1 годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
7 руб.	3 р. 75 к.	2 руб.	75 к.

ГОДОВЫМЪ подписчикамъ допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., 1-го марта 2 р. и 1-го июня 2 руб. За перемену адреса городского на иногородній 30 коп.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА помѣщаются при типографіи «ОСНОВА», Екатеринодаръ, Красная ул., д. № 61. Телефонъ № 482.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ за строку петица: на 1-й стр. 25 к., на 2-й стр. 30 к., на 4-й стр. 15 к. Для лицъ ищущихъ труда (до шести строкъ) за 1 разъ 20 коп. За размѣтку и вѣнчиковъ по 5 руб. съ тысячи и зота.

Статьи и корреспонденція, должны быть на подписку и съ адресомъ за подпискою. Въ случаѣ надобности, редакція исправляетъ и сокращаетъ статьи. Статьи безъ обозначенія условія считаются безвѣстными. Рукописи не возвращаются.

Издательство М. А. Асланова.

Чеховъ въ анекдотъ

Только что вышелъ въ свѣтъ четырнадцатый томъ сочиненій А. В. Амфитеатрова «Славные мертвецы». Здѣсь—А. Чеховъ, А. И. Чупровъ, недавно ушедшій П. Якубовичъ (Мельшинъ и М. Н. Альбовъ. Значительная часть книги посвящена А. Чехову.

Въ юности амфитеатровъ «согрѣшилъ» поэмой (въ стихахъ), озаглавивъ ее въ пику... М. Ю. Лермонтову «Демономъ».

— «Демона» я скрывалъ отъ московскихъ товарищей-писателей,— пишетъ Амфитеатровъ.—Но однажды Антонъ Павловичъ, въ то время уже извѣстность, послѣ «Стени» и пушкинской преміи, встрѣчаетъ меня на Петровкѣ и съ мѣста въ карьеръ, кажется, даже не поздоровавшись, говоритъ ироническимъ басомъ:

— Слушайте, Лермонтовъ, почему же вы «Демоновъ» пишете, а грамотнымъ людямъ не показываете?

— О, чортъ! Вотъ сюрпризъ! Вы-то откуда узнали?

— Пріѣзжій армянинъ изъ Тифлиса разсказалъ. Для Тыплызъ пишешь, дюша мой? Послушайте же, Михаилъ Юрьевичъ, это съ вашей стороны таинственно и нехорошо....

Въ татарскомъ ресторанѣ, за пивомъ, авторъ долженъ былъ продекламировать Чехову «избранныя мѣста». Тотъ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ.

Потерпѣвъ полное крушеніе, разбитый по всему фронту, Демонъ произноситъ надъ грахомъ своей возлюбленной трогательный монологъ; между прочимъ, имѣлась такая аттестация:

Была ты,

Какъ изумрудъ, душой свѣтла!

Чеховъ оживился:

— Какъ? Что? Какъ?

— «Какъ изумрудъ душой свѣтла»...

— Послушайте, Байронъ почему же вашъ Демонъ увѣренъ, что у нея душа—зеленая?

«Разсѣвшиль меня—и стихъ умеръ».

Чеховъ временами былъ убійственно молчаливъ. Незнакомые считали его нелюдимымъ, недоброжелательнымъ, обижались.

— Умъ и дарованіе совѣмъ не одно и то же—говорили Амфитеатрову.—Вотъ, напримѣръ, Чеховъ. Талантъ, а глушь. Пожалуйста, не защищайте! Я лично съ нимъ знакома и два раза обѣдала съ нимъ въ Ялтѣ. Оба раза онъ глубокомысленно про-

молчалъ три часа, не улыбувшись, отвѣчалъ—да и нѣтъ, уклонился отъ интереснѣйшихъ вопросовъ, и единственная самостоятельная фраза, которую мы отъ него слышали:—Если можно, то я попросилъ бы не кофе, но чаю...

«Въ 1895 году,—разсказываетъ А. В., —московская сплетня усиленно увѣряла, будто Чеховъ—на урокъ нѣкоей «утонченницы», почему онъ пересталъ у нея бывать,—отвѣтилъ якобы:—Потому,—что мнѣ скучно съ женщиной, которая не отдается...

Въ дѣйствительности, конечно, ничего подобнаго не было. Я, все-таки, на всякій случай, позволилъ себѣ спросить Чехова, правда-ли это.

Онъ усмѣхнулся.

—Развѣ женщинамъ этакое говорятъ? Тѣмъ болѣе—подобнымъ. Скажи я ей, она еще, сохрани Богъ, въ самомъ дѣлѣ отда-лась бы! Вѣдь, истеричка же...